

ние его кризиса. Вот почему оптимизм деклараций и исторических претензий анархизма и сегодня все чаще сменяется глубочайшим пессимизмом. Не возрождение, а затянувшаяся агония — так можно было определить общее состояние современного анархизма. Но для безнадежно больного хороши все лекарства, и анархизм пытается спастись, сохранить свое влияние, выдвигая совсем уже абсурдные претензии на идейное родство с марксизмом.

Глава шестая
**ПОД ЗНАМЕНЕМ
«ТВОРЧЕСКОГО» МАРКСИЗМА
И ТВОРЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ**

Вопрос об отношении анархизма к научному коммунизму или наоборот — научного коммунизма к анархизму был и остается предметом непрекращающейся теоретической дискуссии. И дело здесь совсем не в том, что вопрос этот еще не решен (теоретическое решение его дано уже в трудах Маркса, Энгельса, Ленина) а скорее, в том, что такое решение не устраивало и не устраивает лидеров анархизма. Кроме того, практическое разрешение этого вопроса еще далеко не завершено, и не на все вопросы, составляющие ядро полемики между анархизмом и научным коммунизмом, история дала уже сегодня окончательный ответ. Так что односложного и однозначного ответа на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо», здесь явно недостаточно.

Анархизм, как мы видели, в ходе эволюции по целому ряду вопросов, и в частности по такому важному, как отношение к собственности, все более тяготел к коммунизму. Достаточно сравнить воззрения Штирнера и Кропоткина. Но этот же процесс, стимулируемый разви-

тнем и углублением классовой борьбы, толкал лидеров анархизма на все более четко выраженные антикоммунистические позиции. И действительно, ведь им приходилось поступаться своими собственными воззрениями во имя чуждой им идеологии. И к тому же в коммунистах они видели своих главных соперников в борьбе за влияние на массы. Таким образом, антикоммунистическая тенденция анархизма, обусловленная ее сущностью, перерастала постепенно в антикоммунизм и стала определяющей чертой анархизма послекропоткинского периода.

Внешнее сходство конечных целей — безгосударственное общество, полное социальное равенство и личная свобода всех его членов, а также более или менее полное совпадение ближайших задач — слом буржуазной государственной машины, борьба против абсолютизма или фашизма — все это создавало объективную возможность для временных компромиссов между анархистами и коммунистами. Так было, например, на Украине в 1918 году или в Испании в 1936—1939 годах. В последнем случае анархисты сыграли определенную положительную роль в борьбе с антиреспубликанскими силами, несущими испанскому народу фашистскую диктатуру генерала Франко. Но сами анархистские принципы, отрицающие любую, в том числе и революционную, организацию и дисциплину сводили к минимуму результаты таких совместных действий.

А каково же отношение научного коммунизма к анархизму? Оно также не однозначно. Неодинаковым, например, было отношение К. Маркса к работам П.-Ж. Прудона «Что такое собственность?» и «Система экономических противоречий или философия нищеты». Первую он оценил довольно высоко, а вторую подверг сокрушительной критике, наглядно показав всю нищету этой прудоновской философии. Неодинаковым было также отношение В. И. Ленина к П. А. Кропоткину, с

которым он дважды встречался, беседовал, принимал посильное личное участие в судьбе престарелого революционера-анархиста, и, скажем, к Н. И. Махно.

Но марксистский метод, подход к анализу любого общественного явления состоит в том, чтобы рассматривать, а следовательно, и оценивать данное явление не в его частностях, а в целом, то есть во взаимосвязи и взаимодействии всех составляющих, а главное — не в сиюминутном его состоянии, а в развитии, в тенденции. Именно этим с самого начала и определилось отношение марксизма к такому социальному феномену, каким был анархизм.

Громом своих лозунгов и бомб анархизм будил трудящихся, для того чтобы тут же вновь, одуряя и баюкая, «сны золотые навевать» — сны об анархическом рае. Ценой огромного, часто героического, самопожертвования анархизм вовлекал трудящихся в борьбу за уничтожение существующих бесчеловечных порядков, с тем чтобы тут же отстранить их от высшей формы этой борьбы — борьбы политической. И не своего соперника видел в анархизме марксизм, а врага рабочего движения всех трудящихся, а следовательно, и своего врага. Вот почему и Маркс, и Энгельс, и Ленин на протяжении всей своей жизни вели с анархизмом постоянную, острую, бескомпромиссную, теоретическую и практически-политическую борьбу. Вот почему более 430 работ, фрагментов в огромном идейном наследии Маркса и Энгельса [50; с. 11] и более 240 — в ленинском идейном наследии [47; с. 20] посвящены непосредственно теоретическому анализу и научной критике анархизма.

И тем не менее анархизм, как мы уже видели, почти всегда старался прикрыть проповедуемый им эгоизм демагогической фразеологией, крайний индивидуализм — словами о коллективизме и т. п. Нередко использовалась при этом и терминология марксизма. Лидеры так называемого неоанархизма идут гораздо

дальше. Манипулируя произвольно подобранными выдержками из ленинских работ, они пытаются доказать идейное родство В. И. Ленина с основоположниками анархизма, провозглашают его своим предшественником, отрывают ленинизм от марксизма и противопоставляют их. Деятельность КПСС и других коммунистических партий они объявляют якобы противоречащей учению В. И. Ленина. Таким образом, современный анархизм претендует не только на идейное родство с марксизмом, но и на его «творческое» развитие. Попытки спасения умирающего подобными средствами, вообще говоря, не новы. Так, после Великой Октябрьской социалистической революции в русском анархизме сложилось течение под названием «анархо-большевизм». Но соединить анархизм с научным коммунизмом оказалось невозможным ни в теории, ни на практике. Это было ясно даже самому основателю и лидеру анархо-большевизма И. С. Гроссману-Рощину. И потому в 1926 году он заявлял: «...я не мог не заметить незаконченности теоретической концепции и неопределенности практической линии. Колоссальное впечатление произвели на меня «Государство» Ленина и шедевр Ильича «Детская болезнь „левизны”». Не буду описывать дальнейшей эволюции. Скажу коротко: в теории — я диалектический материалист-ленинец. В классовой тактике всецело и всемерно признаю путь Третьего, Коммунистического Интернационала в ВКП(б)» [47; с. 395].

Но из истории современные анархисты берут только то, что кажется им приемлемым, и, наоборот, не замечают того, чего не желают замечать. Точно так же они поступают с ленинским идейным наследием, которое якобы хорошо изучили. В. И. Ленин писал: «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами» [17; с. 3]. И в качестве главных врагов марксизма во всех цивилизованных странах на протяжении всей истории

массового рабочего движения он называл «ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм)» [16; с. 62].

Но эти ленинские положения игнорируют сегодняшние анархисты. Зато они скрупулезно выискивают «цитаты», которые хоть в какой-то мере могли бы подкрепить их шаткие теоретические конструкции. Когда же таких «цитат» найти не удастся, они просто придумывают их. Так, Кон-Бендит «цитировал» изречение Ленина на III съезде Советов в 1918 году: «Идеи анархистов приобрели живые формы». При этом лидер студентов-анархистов «забыл» указать источник, откуда он взял свое смелое утверждение. «Забывчивость» эта вполне понятна: такого источника просто нет [83; с. 75].

Фальсификация марксизма, клевета на СССР и другие социалистические страны, как известно, составляют основное содержание антикоммунизма. Именно поэтому буржуазные «теоретики» спешат оказать всяческую поддержку смелым претензиям сегодняшних анархистов. Именно поэтому теоретические уловки представителей анархизма совпадают с аналогичными приемами буржуазной «науки», и прежде всего советологии. Расширяя область применения подобных «методов», идеологи буржуазии объявляют, что марксизм-де предусматривал исчезновение государства непосредственно после социалистической революции. При этом Марксу, Энгельсу и Ленину приписываются анархистские представления. Так, например, американский социолог Р. Такер в книге «Марксистская революционная идея» преподносит якобы принадлежащее Марксу утверждение: «Существование государства несовместимо с реализацией свободы» [100; с. 86]. Подобные взгляды проповедует в книге «Борьба классов» и французский социолог Р. Арон, утверждающий, что существование государства в СССР противоречит взглядам Маркса [100; с. 159].

Одним из центральных вопросов в острой бескомпро-

миссной борьбе научного коммунизма со всеми разновидностями анархизма был и остается вопрос о государстве вообще, о государстве социалистическом в особенности. Именно поэтому и анархисты, и буржуазные историки в своих попытках представить современный анархизм как „творческий” марксизм стремятся фальсифицировать учение В. И. Ленина в вопросе о государстве. И не случайно их взоры обращаются прежде всего к работе В. И. Ленина «Государство и революция». Кон-Бендит, например, утверждал, будто бы Ленин в этой работе проповедовал анархистские цели, что он якобы был «склонен к анархизму», что «массы принуждали Ленина в большей мере быть анархистом, чем большевиком» [83; с. 75].

Точно так же поступают буржуазные авторы книги «Будущее коммунистического общества», изданной в США. Они утверждают, что в «„Государстве и революции” Ленин ближе всего подошел к анархизму» [44; с. 128—129]. Авторы этой книги видят «близость» Ленина с анархизмом в его высказывании о том, что диктатура пролетариата представляет собой не государство в собственном смысле слова, а полугосударство, которое начнет отмирать сразу же после своего утверждения. Из этого делается вывод, что Ленин, как и анархисты, выступал против государства как органа насилия, подавления и принуждения личности.

Подобные утверждения говорят либо о странной забывчивости, либо о сознательной подтасовке. Ведь именно в полемике с анархистами в значительной мере складывались взгляды К. Маркса на пролетарское государство, взгляды, легшие позднее в основу ленинской работы «Государство и революция» и развитые в ней. Именно здесь В. И. Ленин, не умаляя роли пролетарского государства, подчеркивая лишь его отличие от буржуазного, писал: «...переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинст-

ва эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле» [20; с. 90].

Относительно сроков «отмирания государства» В. И. Ленин указывал, что «не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный» [20; с. 84].

В этой же работе В. И. Ленин определяет экономическую, социальную и политическую основы социалистического государства, главное содержание его «отмирания» на первой фазе коммунизма. И наконец, именно здесь и именно по вопросу о государстве он определяет основные различия между марксистами и анархистами [20; с. 112].

Отождествляя различные типы государства, и прежде всего социалистическое государство, с буржуазным (что свойственно анархизму в целом), П. А. Кропоткин утверждал: «Орудие угнетения, порабощения, рабской подчиненности не может стать орудием освобождения» [56; с. 84]. На этом основании анархизмом отрицалась политическая борьба трудящихся в рамках буржуазной демократии. Отрицалась и сама борьба за демократию. «...Всякая реформа,— по мнению П. А. Кропоткина,— неизбежно является компромиссом с прошлым». Эта точка зрения развивается и активно пропагандируется представителями современного, так называемого неоанархизма. Так, мы уже приводили высказывание М. Галло о том, что ориентация компартий развитых капиталистических стран на мирный путь революции — это «реформистская», «мифическая» ее модель. Борьба за реформы, по его мнению, лишь упрочивает империалистическое государство.

Давая принципиальную оценку буржуазной демократии, В. И. Ленин отмечал, что, с одной стороны, «Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации...» [20; с. 46]; с другой стороны, он писал: «Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не преи-деши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы» [20; с. 55—56].

Эти ленинские положения чрезвычайно важны и актуальны.

Коммунисты и сегодня исходят из того, что в борьбе за демократию в странах капитала складывается и упрочивается союз рабочего класса с другими, непролетарскими и полупролетарскими, слоями трудящихся. В этой борьбе завоевываются условия для последующего коренного преобразования общественных отношений. Она помогает широким трудящимся массам понять, что подлинную демократию для трудящихся может дать лишь сам социализм.

В борьбе с анархизмом, враждебно относящимся к любой демократии, и правым оппортунизмом, идеализирующим формальную сторону демократии буржуазной, за счет ее существенной стороны, и выступающим под лозунгом «чистой демократии», марксизм вскрыл и определил основные существенные черты социалистической демократии.

Уже на самом начальном этапе своего развития она представляет собой демократию для трудящихся и эксплуатируемого большинства. Выступая гегемоном в социалистической революции, пролетариат объединяет и сплачивает вокруг себя огромные полупролетарские и непролетарские массы трудящихся, вовлекая их в ак-

тивную политическую деятельность, так как, отстаивая свои классовые интересы, он в то же время объективно выражает коренные интересы всех трудящихся. Вот почему В. И. Ленин подчеркивал, что «пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики» [22; с. 257].

Социалистическая демократия имеет и другое принципиальное отличие от демократии буржуазной. С ликвидацией частной и утверждением общественной собственности на средства производства неизмеримо расширяется область ее применения. В этой связи В. И. Ленин еще в первоначальном наброске работы «Очередные задачи Советской власти» указывал, что необходимо распространять принцип демократического централизма на управление экономикой. «Наша задача теперь,— подчеркивал он,— провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п.» [21; с. 152].

В отличие от анархизма, отрицающего демократию, и правого оппортунизма, стремящегося ее увековечить, основоположники научного коммунизма доказали и показали исторически преходящий характер не только различных типов демократии (рабовладельческой, феодальной, буржуазной, социалистической), но и демократии вообще. «Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству,— писал В. И. Ленин.— Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство...» [20; с. 83]. А это означало, что о демократии можно говорить лишь применительно к определенным ступеням развития человеческого общества, что ее уровень обусловлен типом и степенью зрелости общественных отношений, и прежде всего эконо-

мических, производственных, и что, наконец, необходимо возникнув, она столь же необходимо отомрет на высшей фазе коммунизма, хотя принцип подчинения меньшинства большинству, а следовательно, и авторитет большинства как основополагающий принцип человеческого общежития сохранится и при коммунизме.

Кстати, на вопрос об авторитете,— вопрос, оказавшийся неразрешимым для анархизма, впервые смог дать научный ответ только марксизм и опять-таки в полемике именно с анархистами. «Рассматривая экономические, промышленные и аграрные отношения, лежащие в основе современного буржуазного общества, мы обнаруживаем,— писал Ф. Энгельс,— что они имеют тенденцию все больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей... Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?» [4; с. 302, 303].

Существование производства без всякого авторитета, подчинения возможно лишь в тех условиях, где оно осуществляется посредством независимой деятельности отдельных лиц, как, например, в хозяйстве мелкого ремесленника, мелкого товаропроизводителя вообще. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности,— разъяснял Ф. Энгельс,— значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке» [4; с. 304]. Именно такой реакционный с точки зрения развития производительных сил характер и носит всякая анархистская теория вообще, если проводить выдвинутый ее сторонниками принцип полного уничтожения авторитета, подчинения сколько-нибудь последовательно.

В своей полемике с анархистами К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что централизованная власть, авторитет и соответствующее подчинение будут существовать и при коммунизме. В статье Ф. Энгельса подчеркивалось,

что, «с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, независимо от какой бы то ни было общественной организации, обязательны для нас при тех материальных условиях, в которых происходит производство и обращение продуктов» [4; с. 304].

Но при полном построении коммунистического общества эта власть потеряет свой политический характер, что означает отмирание государства. Из орудия управления людьми она превратится в орудие управления вещами, процессами производства.

Ф. Энгельс отмечал, что с противниками авторитета можно было бы еще согласиться, если бы они говорили о необходимости допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства. Но прудонисты и бакунисты требовали полной ликвидации авторитета, восхваляя автономию, тогда как само противопоставление авторитета и автономии, изображение принципа авторитета абсолютно плохим, а принципа автономии абсолютно хорошим было нелепостью. «Авторитет и автономия,— писал Ф. Энгельс,— вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития» [4; с. 304].

Так, критикуя анархистов, Ф. Энгельс разработал в своей статье «Об авторитете» в общих чертах одно из важнейших положений теории научного социализма — идею демократического централизма, сочетания централизации с широкой инициативой и самоуправлением мест, показывая, что и сам характер сочетания меняется и зависит от общего уровня развития общества.

Вспоминая о своих встречах с анархистами, В. И. Ленин говорил, что при всех принципиальных различиях между анархистами и коммунистами ему все же «подчас удавалось сговариваться» с анархистами насчет целей. Раскрывая эту мысль, Ленин писал: «Основные по-

ложения и цели — две разные вещи: ведь в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят за уничтожение эксплуатации и классовых различий... Что отличает нас от анархистов в смысле принципов? Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но это не его цель» [25; с. 24]. Здесь прямо говорится о принципиальном отличии научного коммунизма от анархизма. И тем не менее внешнее сходство их конечных целей, на которое указывал В. И. Ленин, отдельные «теоретики» анархизма пытаются использовать для отождествления своего учения с марксизмом. Задача та же: фальсификация марксистско-ленинского учения. Для этого они нередко обращаются к понятию «свобода». Действительно, и научный коммунизм, и анархизм основной конечной целью считают освобождение человека. Но в понятие «свобода» ими вкладывается принципиально различное содержание. Причем на различия эти указывали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в самом начале своей совместной деятельности, когда в книге «Немецкая идеология» подвергли детальнейшему анализу воззрения отца анархизма «святого Макса». Различия эти определились в первую очередь тем, что и Маркс и Макс связывали свободу личности с господствующими в обществе отношениями собственности; но если для Штирнера это было обладание, индивидуальная или, что тоже самое, частная собственность, то для Маркса — коллективная, общественная, коммунистическая. Одновременно в процессе критики анархизма уже в этой работе складывалась марксистская концепция свободы. В работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс указывали, что никакой человек не может быть свободен от действительных общественных отношений. Такая свобода была чистой фантазией «святого Макса», она возникла из непонимания им обусловленности интеле-

ресов, стремлений и поступков человека существующими в обществе материальными условиями. Но во всех антагонистических формациях человек не был свободен также и в выборе своего общественного положения, своей деятельности, форм и характера своего труда. В рабовладельческом и феодальном обществе это отражалось и в соответствующих правовых учреждениях, которые закрепляли принадлежность людей как к господствующему классу, так и к классам угнетенным посредством соответствующих правовых привилегий, сословных разграничений и т. д.

В буржуазном обществе неизбежность для каждого человека быть либо пролетарием, либо буржуа, капиталистом в зависимости от материальных условий его жизни оказывается замаскированной из-за отсутствия правового оформления классовых разграничений и привилегий. «Поэтому при господстве буржуазии индивиды представляются более свободными... в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещественной силе» [1; с. 77].

Отсюда свобода личности во всяком эксплуататорском обществе, и в буржуазном не менее, чем в рабовладельческом и феодальном, заключается в возможности выбора своей деятельности и своего поведения в тесных рамках условий материальной жизни, существующих производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Это, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, всего лишь «право беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью...» [1; с. 76].

И, разумеется, это право различно, прямо противоположно для господствующих и эксплуатируемых классов. Для трудящихся оно означает прежде всего неизбежность эксплуатации, порабощение в той или иной форме, подчинение господствующим классам. Для индивидов же, принадлежащих к господствующему классу,

это право означает их личную свободу, но также лишь в той мере, в какой она вытекает из общих условий их существования и не противоречит их общим интересам, закрепляемым через государство в соответствующих институтах права.

Подведение индивидов под определенные классы с вытекающими из их общего положения личными условиями жизни и деятельности может быть уничтожено лишь с ликвидацией частной собственности. Только установление коллективной собственности, обеспечивающее уничтожение классов и классовых различий, освобождает индивида от господства над ним определенных, навязанных независимо от его воли общественных отношений. Здесь исчезает порабощающее человека подчинение его разделению труда, существующему в эксплуататорском, особенно в буржуазном обществе. Члены общества получают возможность свободы в выборе своей трудовой деятельности, своих занятий, в реализации своих способностей и задатков.

«Только в коллективе,— подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс,— индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [1; с. 75].

Одновременно, познав законы общественного развития, члены коммунистического общества получают возможность использовать их сознательно, в интересах всего общества, которое будет осуществлять коллективную власть над условиями своего существования, над производством, над обменом, над собственными общественными отношениями. Так реализуется и свобода человека над вещами, над процессами производства. К. Маркс и Ф. Энгельс показывали, что лишь коммунистическое общество может быть поэтому названо настоящим «царством свободы». «Строй, создаваемый коммунизмом,— пишут они,— является как раз таким действительным ба-

висом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов...» [1; с. 71].

Итак, анархисты понимают свободу как нечто абсолютное и потому абстрактное, для научного коммунизма это категория относительная, конкретно-историческая.

Анархисты требуют свободы для всех и каждого, свободы немедленной, ничем не ограниченной. Марксисты связывают борьбу за освобождение рабочего класса, всех трудящихся с объективными и субъективными условиями. Свобода определяется уровнем развития производительных сил, типом и зрелостью общественных отношений. Именно поэтому В. И. Ленин писал: «В обществе... где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей... эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза» [12; с. 103—104].

И наконец, если для анархистов свобода — это прежде всего «свобода от» (от общества, государства, воли большинства, любой дисциплины и т. д.), то марксисты понимают ее в первую очередь как «свободу для» (для раскрытия всех сущностных сил человека, для его всестороннего и гармоничного развития). Коммунистическое общество дает такую свободу своим членам, а они реализуют все свои способности в процессе созидательного труда на благо общества. Именно поэтому В. И. Лениным был сформулирован предельно сжато и предельно ясно один из основополагающих принципов марксизма, гласящий: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [12; с. 104].

Эти ленинские слова знакомы каждому еще со школьной скамьи, многие не раз слышали и даже повторяли эти слова в различных ситуациях, и, как это часто бывает, может быть, именно поэтому они отчасти утратили для нас всю свою глубину и убедительность. Вот почему необходимо вновь и вновь обращаться к процессу, приведшему к формулировке этого лаконичного и

вместе с тем очень емкого ленинского положения, а стержнем этого процесса стала как раз марксистско-ленинская критика анархизма. И тогда эта сакраментальная формула вновь наполняется конкретным содержанием, звучит еще более убедительно.

К свободе стремятся все, но понимают ее по-разному. Несколько лет назад Центральное телевидение показало фильм, сделанный американским режиссером, отснятый американскими операторами для американских телезрителей. Это фильм об эмигрантах из Советского Союза, лицах преимущественно еврейской национальности. Ведущий беседовал с людьми, которые неплохо с его точки зрения устроились в Штатах, то есть получили более или менее приличную работу, благоустроенное жилье и прочие дары современной западной цивилизации, и все-таки оставались неудовлетворенными.

Недоумение — так можно было бы сформулировать основную мысль этого фильма: чего же еще нужно этим русским; отчаяние — так можно было бы выразить лейтмотив всех выступлений бывших советских граждан. Дело в том, что все интервьюируемые приехали в «самую свободную» страну мира в поисках именно свободы. И... не нашли то, чего искали.

К свободе рвались мы, пройдя через ОВИРы,
И вот приехали мы в яблочный пирог (Нью-Йорк),
И от свободы мы попрыгали в квартиры...—

пелось в песенке одного из эмигрантских «бардов».

А не нашли они то, чего искали, просто потому, что в реальной действительности этого нет и быть не может. Такая свобода, какую они искали, существовала лишь в их воображении и была сродни тому идеалу свободы, который проповедовали анархисты, еще начиная с М. Штирнера.

Американские кинематографисты обвиняли, пусть и завуалированно, социалистический строй, советское об-

щество в том, что они калечат души своих граждан и это-де мешает адаптироваться в новых для них условиях. На самом же деле причина в другом. Она в неудовлетворительном знании истории общественной мысли, марксизма как высшего ее достижения, истории классовой борьбы. Так низкий уровень политической культуры при определенных условиях может обернуться личной трагедией и даже катастрофой.

Противоречие между личностью и обществом в принципе неразрешимо для анархистов. Требуя свободу личности от общества, они не могут себе представить свободную личность вне общества. Поэтому отцы анархизма Штирнер, Прудон, Бакунин и особенно Кропоткин пытались конструировать модель идеального общества, способного обеспечить абсолютную свободу своим членам. Мы видели, что из этого получилось, и здесь лишь еще раз подчеркнем принципиальное отличие анархического идеала от общественного идеала научного коммунизма.

Марксизм исходит из того, что общество будущего «отнюдь не будет обществом анархии, безделья и праздности», что «все производственные ячейки, все самоуправляющиеся ассоциации будут гармонически объединены в общем планомерно организованном хозяйстве, в едином ритме общественного труда».

Анархический идеал становится все более абстрактным. И это говорит об углублении кризиса анархизма. В то же время в процессе развития теории научного коммунизма, материализации в СССР и других социалистических странах коммунистический общественный идеал постоянно конкретизируется. Обогащаются, становятся более содержательными наши представления о будущем коммунистическом обществе, совершенствуются методы научного прогнозирования социальных процессов.

Итак, новая претензия современного анархизма на идейное родство с марксизмом оказывается очередным

мифом, который рушится тотчас, как только обращаешься к истории взаимоотношений этих двух идеологий, двух течений в международном рабочем движении. Анархизм в процессе полемики с марксизмом не приобрел и не дал ничего, кроме пышной фразеологии и пышных претензий. И наоборот, в процессе научной критики анархизма происходило становление и развитие теории научного коммунизма по целому ряду основополагающих вопросов, таких, как: государство и революция, социализм и государство, социалистическая демократия, общество, государство и свобода личности и т. д. И в этом основная и, пожалуй, единственная, пусть и негативная, заслуга анархизма перед историей — перед рабочим классом, перед трудящимися, перед человечеством.

Глава седьмая

АНАРХИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ!

Кто же прав в этом затянувшемся споре — марксизм или анархизм? Для марксистов ответ очевиден, для анархистов — тоже. Но окончательно решить этот исторический спор может только социальная практика революционного преобразования общества на принципах, которые позволят человеку наиболее полно раскрыть его подлинно человеческую сущность.

«Практика — критерий истины» — таково одно из основополагающих положений марксизма. Этот же тезис пытаются эксплуатировать и анархисты. Потерпев очередную неудачу, — их попытка вырваться вперед на чужом коне, под чужим флагом и вернуть былое влияние на массы (впрочем, это влияние самими анархистами всегда преувеличивалось), их претензии на идейное родство с марксизмом и даже творческое его развитие оказались несостоятельными, — так вот, потерпев очередную неудачу, анархисты обращают сегодня свои взоры